

ВЗГЛЯД ФРАНЦУЗСКОГО ВОЕННОГО АТТАШЕ Л.-Э. МУЛЕНА НА РОССИЮ И РУССКУЮ АРМИЮ (1891–1905)

Статья основана на донесениях французского военного атташе Л.-Э. Мулена о русской императорской армии. Материал показывает большую озабоченность французского офицера на счет русского военного потенциала. Атташе становится еще более скептически настроенным после русско-японской войны и во время революции 1905–1907 гг.

Ключевые слова: Франко-русский союз; Русская императорская армия; русско-японская война 1904–1905 гг.; военные атташе; Л.-Э. Мулен.

Русско-французский союз начала 1890-х гг. был плодом усилий многих людей. Часть из них несли большую политическую ответственность, а некоторые, хотя и не занимали особенно высоких постов, но служили важными элементами механизма, который привел два правительства к «сердечному согласию». К последним относился Л.-Э. Мулен.

Французский военный атташе в Санкт-Петербурге Луи-Этьен Мулен (1851–1908) окончил Политехническую школу в 1872 г., затем Аппликационную школу артиллерии и инженеров в 1874 г. и начал службу офицером-артиллеристом. Он изучал русский язык и привлек этим внимание начальства. В октябре 1875 г. началась его первая командировка в Россию, а в 1880 г. он был назначен 2-м военным атташе в посольство в Петербурге. В 1891 г. он был повышен до 1-го военного атташе в российской столице. В том же году он женился вторым браком на русской подданной Марии Александровне Шмаковой. В 1900 г. получил чин полковника, в 1904 г. — бригадного генерала [2, р. 31–39].

Судя по всему, Мулен не обладал особенно глубокими познаниями в военном деле, кроме артиллерии — родного для него рода войск. Однако его можно смело назвать выдающимся военным атташе как по продолжительности его пребывания на посту, так и по проявленным особым качествам. Дело в том, этот офицер французской армии установил самые тесные и широкие связи

с представителями русских военных, политических и аристократических кругов. У многих из них Мулен нашел теплый прием и доверие.

Следует иметь ввиду и обстановку, в которой работал этот пикардиец. «Медовый месяц» русской и французской армий начался несколько раньше момента первых переговоров двух правительств о союзе. В 1883 г. состоялся визит генерала М. И. Драгомирова на французские маневры, отмеченный шумными заявлениями дружбы и благоприятным рапортом о потенциале французской армии [SHD. GR 7 N 1869 (1 octobre 1883)¹]. В 1884–1885 гг. последовали лекции майора Л. Кардо в Высшей военной школе, во многом построенные на взглядах генерала Драгомирова [6, р. 399]. В дальнейшем Кардо станет одним из главных популяризаторов русской армии в среде французских офицеров. Но долго ждать популярных публикаций о царских войсках не пришлось. В 1888 г. вышла книга «L'armée russe et ses chefs en 1888» Ж. Вильбуа-Марейля, чрезвычайно комплиментарная к потенциальному союзнику [7]. После заключения франко-русского альянса поток дружественной для русской армии литературы усилился. Французская армия была одним из центров русофилии, захлестнувшей III республику.

Мулен — возможно, лучший среди своих соотечественников знаток русской армии — сохранял трезвый и иногда критичный взгляд на военный потенциал России. Начальство Мулена отмечало, что его рапорты интересны и точны, но он вкладывает в них слишком много личных чувств и оценок [2, р. 33]. Его донесения, составившие несколько коробок в архиве Исторической службы Министерства обороны Франции (Service Historique de la Défense — SHD) в Венсенском замке, привлекли внимание историков. Их использовал Дж. Кеннан [8], и в значительной степени на них построили свои работы П. Лунтинен [4] и Дж. Стейнберг [5]. Однако в России этот богатый и ценный источник практически неизвестен.

¹ Каждое дело в фондах с донесениями Мулена содержит большое количество документов с нумерованными страницами. Для большей точности ссылок здесь и далее даны даты донесений.

Русский паровой каток?

15 (27) августа 1891 г. министры иностранных дел Франции и России А. Рибо и Н. К. Гирс обменялись письмами, которые знаменовали начало русско-французского союза. Незадолго до этого события Мулен кратко охарактеризовал стратегическое положение России относительно держав Тройственного союза: «В итоге, то, что составляет до сегодняшнего момента военную слабость России по отношению к противостоящим континентальным державам, накладывает на ее политику отпечаток чрезвычайной сдержанности. Это страх в случае войны начать с тяжелых поражений в Польше из-за относительной медленности мобилизации и концентрации войск. Даже если эти поражения будут исправлены в дальнейшем ходе кампании, они не составляют ни привлекательную, ни даже внушающую оптимизм перспективу для тех, в чьих руках судьбы страны. Хорошо видно, что пример 1812 г. поучителен для тех, у кого есть желание его видеть: неоправданная агрессия против славянского колосса; но, в общем, за исключением нескольких панславистских шовинистов, и нескольких амбициозных офицеров, Россия, начиная со своего правителя, мирна, и не без причин. Никто не скрывает от себя, что Польша, привлекательный наступательный плацдарм против Пруссии и Галиции или Моравии, ловушка с оборонительной точки зрения, потому что она может быть легко отрезана, потому что население враждебно к русским, наконец, потому что войска, которые ее занимают на 1/3 состоят из польских резервистов, чья преданность более чем сомнительна в случае тяжелых поражений, польская раса чрезвычайно подвержена влиянию и быстро подпадает под негативное влияние событий» [SHD. GR 7 N 1472. 20 mai 1891].

Кроме того, Мулен не скрывал от своего правительства, что именно Австро-Венгрия, а не Германия является для русских приоритетной целью. Большинство царских генералов, по словам военного атташе, мечтало о том, чтобы Германия оказалась скованной противостоянием с Францией, а у них появилась возможность уничтожить Дунайскую монархию — истинного врага России, а главное, более слабого [SHD. GR 7 N 1472. 27 août 1891].

Поэтому приоритетными задачами французского военного атташе в Петербурге было отслеживание численности русских войск на западных границах, планов их мобилизации и концентрации, а также процессов железнодорожного строительства. Первое позволяло судить о массе войск, которым располагал новый союзник Франции, второе — о расстановке военных приоритетов между берлинским и венским направлениями, третье — о том, как быстро русская армия сможет оказать помощь французам. Пользуясь популярным в то время образом [1, с. 104], можно сказать, что Париж интересовало насколько мощен и тяжел «русский паровой каток», куда он будет направлен и как скоро он обрушится на общего врага.

Отмечая эти тревожащие французскую сторону моменты, а также отдельные слабости русской армии Мулен сохранял определенный оптимизм. Русская армия совершенствовала свою боевую подготовку, вооружение и железнодорожную сеть. Во главе ее стояли опытные генералы — П. С. Ванновский (военный министр), Н. Н. Обручев (начальник Главного штаба), М. И. Драгомиров (командующий Киевским военным округом) и И. В. Гурко (командующий Варшавским военным округом). Мулен писал, что в разговорах с Драгомировым и А. К. Пузыревским (начальником штаба Гурко) он «отметил не только выражение уверенности, всегда присутствующей перед иностранным военным атташе, но еще и тайное желание войны, сожаление видеть ее постоянно откладываемой» [SHD. GR7 N1473. 5 avril 1893]. В русском Генеральном штабе было понимание необходимости нанести вспомогательный удар по Германии, чтобы не допустить разгрома Франции. Более того, Мулен постепенно убеждался в том, что Драгомиров, один из самых влиятельных военных в России, является сторонником одновременного наступления в Восточной Пруссии и австрийской Галиции. В конце 1896 г. именно такой сценарий был принят русским военным руководством в качестве основного [SHD. GR7 N1474. 26 janvier 1897].

Однако 1894 г. принес значительные перемены. Практически все люди, с которыми Мулен связывал укрепление мощи России, стали сходить со сцены или демонстрировать физический упадок. В начале года Мулен сообщил о тяжелой болезни Гурко

«замечательного своей твердостью характера, своим большим опытом и своей несгибаемой энергией, которого был призван в случае войны играть большую роль в командовании армии» [SHD. GR7 N1473. 1 janvier 1894]. Весной поползли слухи о болезни императора Александра III, Обручева и Ванновского. В конце года царь скончался, а взошедший на престол Николай II оставил на своих постах военного министра и начальника Главного штаба, но отправил в отставку Гурко.

Сразу за этими переменами последовали осложнения на Дальнем Востоке (в связи с японо-китайской войной 1894–1895 гг.), а потом и новое обострение Восточного вопроса (в связи с погромами армян в Османской империи в 1894–1896 гг.). Французские военные были заинтересованы в том, чтобы все внимание и все усилия России были направлены на западный театр будущих военных действий. Но происходило ровно противоположное: события втягивали Россию в конфликты в регионах, не имевших значение для партнера по франко-русскому союзу и грозивших вызвать нежелательные для Парижа осложнения. Постепенно Мулен стал понимать, что его тревоги преувеличены. Активно обсуждавшийся с 1896 г. вариант десанта на Босфор был, по мнению французского атташе (подтвержденному Драгомировым), совершенно не подготовлен с военной точки зрения. В Париж отправилось донесение: «Кроме того, не с легким сердцем смотрят в высших сферах на возможность быть вынужденными совершить [Босфорскую] экспедицию. Представители высшего командования, великий князь Владимир, сам император испытывают большое нежелание по причине сложностей, которая она представляет и последствий, которые она может вызвать» [SHD. GR7 N1474. 1 février 1897]. Последствия экспедиции заключались, прежде всего, в реакции Великобритании. Чтобы надавить на «владычицу морей», в русской военной среде снова стали обсуждать активные действия в Средней Азии. Однако и «поход в Индию» Мулен считал скорее миражом, нежели реальной перспективой. Позиция России в Средней Азии должна служить угрозой Великобритании, средством давления для решения Восточного вопроса, но не имеет целью завоевание субконтинента. К этим рассуждениям военный атташе добавлял: «Я был воспитан

на этой доктрине Скобелевым, Черняевым, Куропаткиным, Соболевым, Комаровым и проч., одним словом, всеми знатоками центральноазиатского вопроса» [SHD. GR7 N 1474. 3 avril 1897].

Пацифистские тенденции, которые неожиданно стало демонстрировать русское правительство, были еще одним источником головной боли для Мулена. В 1894 г. был поднят вопрос о разоружении. Запустившийся процесс привел к ноте министра иностранных дел графа М. Н. Муравьева 1898 г. о необходимости положить предел гонке вооружений. Этот шаг стал неприятным сюрпризом для Франции. Мулен считал, что Россия не до конца осознает всех последствий разоружения не только для русско-французского альянса, но и для себя самой. Если мирные инициативы означают сокращение численности армий, то прочие державы будут компенсировать это сокращение совершенствованием обучения войск, системы мобилизации и железнодорожной сети. «Но это именно те вещи, — продолжал он в своем донесении, — в которых Россия позади других европейских держав, а кроме того, ее географические и финансовые условия, также как и недостатки в распространении образования в массе населения, не позволяют ей восполнить то преимущество, которым еще долго будут пользоваться ее соседи» [SHD. GR7 N 1473. 4 avril 1894].

Можно констатировать, что через несколько лет после заключения франко-русского союза представитель французской армии чувствовал серьезное разочарование. Одно из донесений подводит итог — промежуточный, но неутешительный: «В целом, подготовка русской армии к войне претерпевает в последнее время чрезвычайно неприятные задержки, с учетом того, что она уже сильно отстает от армий своих соседей. Болезнь и смерть императора Александра III, болезнь военного министра Ванновского, ослабление занятий и активности начальника Генерального штаба Обручева, меры, предпринятые на Дальнем Востоке по причине продвижения Японии, необходимые приготовления из-за опасений прошлой осени в связи с ситуацией в Турции внесли свой вклад в этот печальный результат. Следует опасаться, что Германия воспользуется этой передышкой, чтобы заранее подготовить свой ответ на проекты, которые русские так медленно воплощают в жизнь, и, таким

образом, парализуют те выгодные результаты, которые мы имели право ожидать» [SHD. GR7 N1474. 1 juin 1896].

К 1898 г. военное министерство принял А.Н. Куропаткин. К этому времени «русский паровой каток» выглядел для французского военного атташе лишенным твердого управления, дезориентированным и даже не вполне осознающим свои сильные и слабые стороны. Даже кажущаяся бездонность ее людских резервов имела свои пределы. Передавая в Париж о своих разговорах с новым военным министром, Мулен развивал взгляд Куропаткина на укрепление боевой мощи русской армии: «В России есть сколько угодно людей, а солдаты под знаменами обходятся не более как в 500 франков в год. Отсюда идет тенденция, на которую можно легко положиться, увеличивать незначительно число обученных людей. Но это только часть проблемы, потому что недостаток распространения образования, социальное положение делают затруднительным и почти невозможным пропорциональное расширение кадров унтер-офицеров и офицеров. С другой стороны, финансовые ресурсы относительно ограничены, и это делает невозможным в этих условиях, особенно в связи с продолжающимся прогрессом в вооружениях, удовлетворить другие надобности» [SHD. GR7 N1475. 31 décembre 1899]. Анализируя ситуацию, Мулен приходил к выводу о том, что России следует думать о строительстве стратегических железных дорог и об улучшении материальной части своей армии. «Каток» должен двигаться безотказно и по возможности быстро.

Механизм проржавел?

Наблюдая за изменениями численности русских войск, планов командования и направлений внешнеполитических усилий России, Мулен не забывал снабжать свое начальство информацией о внутреннем состоянии в царской армии. Это состояние он рисовал как крайне неровное, подверженное колебаниям как в лучшую, так и в худшую сторону, в зависимости от влияния отдельных лиц.

Прежде всего, существовала значительная разница в боевой подготовке между отдельными военными округами. По словам

Мулена, все в России единогласно признавали, что Петербургский и Московский военные округа стоят на несколько ступеней ниже приграничных — Виленского, Варшавского, Киевского и Одесского. Между последними четырьмя трудно выделить один первенствующий, хотя француз склонялся отдать предпочтение Киевскому — им долгое время управлял его близкий друг генерал Драгомиров. Гвардию военный атташе считал одним из самых посредственных войск в России, так как она безнадежно заражена парадоманией и «гниет от присутствия великих князей» [SHD. GR7 N1476. mars 1903].

Влияние Драгомирова сказывалось и на взгляде Мулена на роль представителей дома Романовых в русской армии. Именно с его слов француз называл великих князей «зловещим порождением», «всегда паразитами, часто паразитами вредными». Получая высокие чины и назначения в молодом возрасте, они не подготовлены к серьезной работе и закрывают собой и своими фаворитами путь вверх для способных людей. Особенный урон понес русский флот от деятельности великих князей Константина Николаевича, Алексея Александровича и Александра Михайловича. Результат этой деятельности: «[...] полное отсутствие последовательной системы в планировании флота; абсолютный произвол в продвижении офицеров и выборе людей на важные должности; разбазаривание государственной казны; систематические кражи на всех эшелонах иерархии и на всех постах; скандальное влияние на заказы личностей, известных в императорском балете и Михайловском театре» [SHD. GR7 N1477. 20 novembre 1906]. Дурное влияние представителей правящего дома в первую очередь сказывалось на гвардии. «Часто присутствие великих князей во главе этого полка (Преображенского. — С. Ю.) долго портило офицерский корпус. В нем не думают ни о чем, кроме интриг, чтобы стать сотрапезником его Высочества, а потом адъютантом, возглавить его двор и т. д. Серьезные военные, истинные солдаты, как Гурко, Драгомиров и Скобелев всегда выражали самое глубокое презрение к Преображенскому полку и делились им ни с кем иными, а с иностранными военными агентами» [SHD. GR7 N1477. 28 juin 1906]. Гвардия являлась важным источником лиц, предназначенных для занятия высоких постов.

Мулен оценивал этот источник крайне невысоко: «В целом, кавалергардский полк, который, благодаря своему привилегированному положению, всегда был фаворитом в отношении карьер офицеров, почти никогда не производил кого-либо, кроме кавалерийских генералов последнего порядка» [SHD. GR7 N 1473. 6 mars 1893].

Только для отдельных великих князей Мулен делал исключение. Самым слабым родом войск в России он считал кавалерию. Регулярная русская конница, по его словам, всегда отставала от лучших кавалерий других стран «из-за национального характера, не слишком способствующего развитию этого рода войск, из-за того, что конный спорт не в чести, из-за того, что климатические условия и расположение войск делают специальное обучение конницы очень затруднительным» [SHD. GR7 N 1472. 12 mai 1891]. Но именно по этой причине он высоко ценил усилия великого князя Николая Николаевича Старшего, долгое время возглавлявшего русскую конницу: «Если как главнокомандующий Дунайской армии он показал себя ниже своей задачи; он, с другой стороны, был инспектором кавалерии высшего класса, кавалерист в душе, влюбленный в дело, большой знаток, обожаемый всеми офицерами этого рода войск» [SHD. GR7 N 1472. 12 mai 1892].

Любопытна эволюция взгляда Мулена на сына бывшего главнокомандующего в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. — великого князя Николая Николаевича Младшего, который в 1914 г. встанет во главе русской армии в Первую мировую войну. Характеристика времен его молодости весьма комплиментарна: «Практически единодушно заявляется, что если закрыть глаза на опыт, который ему еще предстоит набрать, он после генерала Гурко единственный начальник кавалерии, кто действительно понимает этот род войск в России» [SHD. GR7 N 1473. 6 mars 1893]. Но по мере того, как великий князь получал все более ответственные назначения и проявлял себя в более сложных обстоятельствах (прежде всего, в революцию 1905–1907 гг., которая очевидно резко усилила скепсис Мулена по отношению к династии) — взгляд военного атташе менялся. «Великий князь никогда не должен становиться главнокомандующим на театре операций, — категорически заявляется в его донесении, — и однако же другой великий князь

(Николай Николаевич Младший. — С. Ю.) [...] становится великим арбитром в военных вопросах и будет главнокомандующим в случае войны с Германией» [SHD. GR7 N 1477. 20 novembre 1906].

Проблема влияния великих князей не заслоняла от Мулена другой проблемы, о которой уже упоминалось. Когда заключался франко-русский союз, ключевую роль в русской армии играли генералы, доказавшие свою компетентность в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Но вслед за этим последовала череда отставок старых героев балканских походов: Гурко (1894), Ванновский и Обручев (1898), наконец, Драгомиров (1903). Вокруг них были либо такие же старые начальники, либо лица явно посредственные (а часто — и то, и другое вместе). Как передавал Мулен, над некоторыми из них откровенно смеются в русской армии. «Я бы делал так же, — признавался атташе, — если бы я не видел ослабления ценности гарантий, которые нам дает альянс с Россией» [SHD. GR7 N 1476. 1 avril 1901]. В любом случае, русская армия нуждалась в обновлении, и француз хорошо понимал как трудно будет его осуществить: «А теперь надо будет основывать свой выбор на службе мирного времени, щекотливая операция в стране, где влияние двора и фамильные связи играют такую большую роль» [SHD. GR7 N 1473. 2 avril 1894]. В одном из донесений Мулен даже ставил проблему дряхлости русского командования на первое место: «Это будет истинной причиной слабости русской армии в случае войны, и следует очень надеяться, что эта ситуация изменится в ближайшее время, потому что она может принести нам серьезные опасности» [SHD. GR7 N 1476. 15 février 1903].

Надежды французского атташе были связаны с относительно молодым поколением офицеров Генерального штаба, которые успели проявить себя в войну с Турцией и которые к концу XIX в. должны были заменить своих старых начальников. К этой категории Мулен относил, прежде всего, А. К. Пузыревского, В. А. Сухомлинова, Викт. В. Сахарова и А. Н. Куропаткина — каждого из них он хорошо знал и высоко оценивал. Когда последний из названных в 1898 г. стал военным министром, француз не скрывал своего удовлетворения: «Император не мог сделать выбор, который бы был более популярен, и можно с полным основанием

сказать, что во всей русской армии нет генерала, чей послужной список, характер и таланты, могли бы выдержать сравнение с генералом Куропаткиным. Едва ли есть в Европе военные таких же качеств» [SHD. GR 7 N 1475. 16 janvier 1898]. Немаловажным было и то обстоятельство, что новый министр в молодости проходил стажировку во французском Алжире, сохранил об этом благодарную память и «искренне любит Францию и особенно французскую армию» [SHD. GR 7 N 1469. 2 juin 1884]. Мулен сочувствовал энергичным мерам, которые принял Куропаткин на новом посту (включая избавление от многих старых генералов), но вскоре вынужден был отметить, что программа военного министра нажила ему многочисленных врагов среди увольняемых в отставку генералов, гвардии и двора [SHD. GR 7 N 1475. 31 décembre 1899]. Но сам военный атташе продолжал верить в Куропаткина как в способнейшего из русских генералов нового поколения и с восхищением описывал его действия на Курских маневрах 1902 г. [SHD. GR 7 N 1476. mars 1903]. Эти маневры оказались последней крупной проверкой русской армии и ее нового лидера перед грядущими потрясениями.

Стоп-машина!

Начавшаяся русско-японская война 1904–1905 гг. едва ли могла порадовать кого-либо из французских энтузиастов франко-русского союза. Но по крайней мере, она могла предоставить армии III республики полезный материал для анализа современной войны. Париж отправил в Маньчжурию две миссии в штабы противоборствующих сторон. Результатом стало два отчета, анализировавших конфликт, причины неблагоприятного для России исхода, применение новых технических средств и тактических приемов. Одним из важных выводов, сделанных французскими наблюдателями, было значение моральных факторов на войне. Японская армия была исполнена духом национализма и устремлена к ясной цели, с которой связывалась судьба страны. В русской армии французы не увидели ни единомыслия, ни понимания необходимости военных усилий [6, р. 207–221], [3, р. 138–139].

Мулен наблюдал за конфликтом на Дальнем Востоке из Петербурга. Со слов В. К. Плеве, он заключал, что активная политика России на Дальнем Востоке была «тайным желанием Государя» [SHD. GR7 N 1476. 6 octobre 1904], и ему оставалось издали наблюдать, как рушится боевая мощь союзника Франции. Его взгляд, в целом, укладывался в выводы, сделанные французскими наблюдателями в Маньчжурии: корень проявившейся военной слабости России лежит не столько в ошибках командования, сколько в тех вопросах, за которые отвечало высшее руководство империи.

Весной—летом 1904 г., пока кампания разворачивалась, Мулен много писал о положении, в котором находился Куропаткин. Потеряв доверие Николая II, генерал должен был вот-вот уступить пост военного министра. Война на Дальнем Востоке стала для него подарком судьбы и шансом на новые лавры и новое положение. Общество по-прежнему находилось под обаянием этой фигуры, но у Куропаткина оставалось много недоброжелателей при дворе и среди некоторых генералов (В. В. Сахаров, Драгомиров). Последние видели в нем выскочку, который избрал выжидательную стратегию, чтобы не отдавать свою репутацию на откуп случаю [SHD. GR7 N 1476. 3 juin 1904].

Мулен симпатизировал Куропаткину, но во многом наблюдал ход войны глазами его врагов. Он считал, что трудно было сделать иной выбор главнокомандующего, потому что большинство старших русских генералов слабы и посредственны. Несколько выше общей массы француз ставил Л. Н. Соболева, хорошими начальниками называл Н. П. Зарубаева, Н. И. Иванова и барона Г. К. Штапельберга, а также кавалеристов — П. И. Мищенко, А. В. Самсонова и П. К. Ренненкампа. В ту же категорию попадали порт-артурцы — А. М. Стессель, Р. И. Кондратенко и А. В. Фок. Но в целом, ситуация представлялась таким образом, будто Куропаткин окружен посредственностями, которым он не может доверить самостоятельной роли [SHD. GR7 N 1476. 5 octobre 1904]. Отсутствие способных начальников привело к порочной системе командования (здесь Мулен передает слова Сахарова). К октябрю в армии Куропаткина было уже 9 корпусов и несколько масс кавалерии. Главнокомандующий должен был создать 3 армии и доверить ее способным генералам, но таковых не было [SHD. GR7 N 1476. 25 octobre 1904].

В дни начала сражения на р. Шахэ 22 сентября — 5 октября (5–18 октября) Мулен еще старался находить поводы для оптимизма: «У этой войны есть положительная сторона — она переродит командование, которое было в полном упадке в России, а это будет немалым приобретением» [SHD. GR7 N1476. 5 octobre 1904]. Но уже через две недели перед ним стали открываться все негативные последствия происходившего. Колоссальный расход снарядов потребовал от русского командования задействовать запасы западных округов. «Без нашего союза Россия была бы в этот момент на милости капризов императора Вильгельма», — констатировалось в его донесении [SHD. GR7 N1476. 25 octobre 1904].

Под удар был поставлен не только франко-русский альянс, но и репутация Драгомирова. Авторитетный русский генерал до войны отстаивал смелую и инициативную тактику, которая обернулась на полях Маньчжурии пренебрежением к огню. В своем донесении французский атташе ставит вопрос: были ли тактические ошибки русских следствием невежества командования и недостатка обучения войск или они являются результатом ошибочных доктрин его старшего товарища, который всегда был другом Франции и объектом почитания на родине Мулена. Этот вопрос остался без ответа в донесении [SHD. GR7 N1477. 26 décembre 1906]. Так или иначе, тема слабой подготовки начальников никогда не исчезала из донесений француза и все чаще переходила из чисто военной в политическую плоскость. Характерны слова генерала И. В. Холщевникова, которые передал Мулен своему начальству. По мнению этого собеседника, качество офицеров в русской армии сильно упало из-за возрождения кадетских корпусов в 1882 г. и «преобразования программы этих учреждений в самом обскурантистском духе» [SHD. GR7 N1477. 1 décembre 1906].

Выводы из войны с Японией приходилось делать на фоне трагических событий революции 1905–1907 гг., и это обстоятельство несомненно сказывалось на оценках Мулена. «Однако сейчас более чем возможно, что в случае революции, часть армии будет соучастником более или менее в силу инерции, — отмечал военный атташе. — Но что мне не кажется еще достаточно ясным, так это заставят ли своих людей сражаться со своими товарищами офицеры

полков, верных присяге, если разразится борьба, гражданская война между двумя частями армии. Я склонен считать, что в этом случае чувство товарищества, очень укорененное в этих людях и их общинных нравах, в конце концов, победит в них» [SHD. GR7 N 1477. 28 juin 1906]. Как видно, основное опасение француза вызывала солдатская масса. «В корпусе офицеров, наоборот, полагаю, всегда будет подавляющее большинство, которое останется верным присяге и даже некоторое количество горячих голов, расположенных склонять императора к самым реакционным решениям, — предсказывалось в донесении. — Это несоответствие в чувствах между офицером и солдатом может разразиться в акты насилия, возможно, очень жестокие со стороны последних» [SHD. GR7 N 1477. 28 juin 1906].

Вскоре самые мрачные опасения уступили место размышлениям над неопределенным будущим союзника. Война показала французу, что Россия по-прежнему обладает «ударной армией», то есть плохо оснащенным технически войском, мало обученным действовать огнем артиллерии, пулеметов и стрелкового оружия, полагающемуся на штыковой натиск. Эти черты — следствие общей социальной отсталости и низкого уровня образования солдат [SHD. GR7 N 1477. 21 juillet 1905]. «Но мне не кажется возможным ни преодолеть эти препятствия, ни произвести радикальные реформы в армии, без полного переустройства правительственного режима и административной системы, без изменений в общественных нравах, иначе говоря, без появления нового руководящего класса, — переходил к итогам Мулен, — не на этих банкротов следует рассчитывать, чтобы завтра восстанавливать компанию после краха» [SHD. GR7 N 1477. 25 novembre 1906]. Окончательный вывод звучал, как пророчество: «Иначе говоря, русская армия продолжит подчиняться тому, что было и прежде законом ее истории. Родившаяся позже всех, она и осталась последней из армий Европы в смысле организации, техники, обучения и тактики. Она, без сомнений, сделает некоторый прогресс; но другие армии выиграют больше, чем она от уроков войны в Маньчжурии. В любом случае, без очень серьезной революции внутри, она никогда не сможет противопоставить своим врагам патриотизм японцев или армий французской революции» [SHD. GR7 N 1477. 25 novembre 1906].

Список литературы

1. Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. 640 с.
2. Avice-Hanoun, M. Louis-Étienne Moulin, attaché militaire à Saint-Pétersbourg au temps de l'alliance franco-russe (1891–1908) // Aux vents des puissances. Paris: Presses Sorbonne Nouvelle, 2008. P. 31–39.
3. Cosson O. La «Grande Guerre» imaginée des officiers français: Combat, représentations et anticipation autour de la guerre russo-japonaise // Vrai et faux dans la Grande Guerre. Paris: La Decouverte, 2004. P. 131–151.
4. Luntinen P. French Information on the Russian War Plans, 1880–1914. Helsinki: SHS, 1984. 259 p.
5. Steinberg, J.W. All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2010. 408 p.
6. Queloz D. De la manoeuvre napoléonienne à l'offensive à outrance: La tactique générale de l'armée française, 1871–1914. Paris: Economica, 2009. 600 p.
7. [Villebois-Mareuil G., de]. L'armée russe et ses chefs en 1888. Paris: Librairie moderne, 1888. 297 p.
8. Kennan G.F. The Fateful Alliance: France, Russia, and the Coming of the First World War. New York: Pantheon Books, 1984. 300 p.

Yudin Stanislav Sergeyevich,

candidate in History, ANO National Scientific and Educational Centre
The Great Russian Encyclopedia, leading editor, Moscow

THE VIEW OF FRENCH MILITARY ATTACHÉ L.-E. MOULIN ON RUSSIA AND RUSSIAN ARMY (1891–1905)

The article deals with dispatches of the french military attaché L.-E. Moulin about the Russian Imperial Army. The material shows great concern of the french officer about russian military power. The attaché becomes even more sceptical after The Russo-Japanese War and during the Russian Revolution of 1905–1907.

Keywords: Franco-Russian Alliance; Russian Imperial Army; Russo-Japanese War 1904–1905; Military Attachés; L.-E. Moulin.